

— ...

— Тетушка, вы бы видели, с каким изумлением и восхищением водитель тогда на них посмотрел, ха-ха-ха!

— И угадайте, что было дальше? Водитель открыл рот...

Тетушка замерла в предвкушении.

— ...И как закричит: «Эй, товарищи! Вы чего, такие бугаи, проход загородили? Проходите дальше, проходите! Совсем соображалки нет!» Ха-ха-ха...

Тетушка Бай тоже расхохоталась:

— Вэйду, Вэйду! Ну и веселые у тебя друзья, ой, умру со смеху!

Ли Вэйду молчал.

— Столько историй каждый день, как замечательно! Все такие хорошие ребята! Ты только посмотри, как здорово, что вы с Цзи Каем вместе. Каждый день можно проводить время с друзьями, каждый день радоваться!

...

Вот только где здесь радость для Ли Вэйду? Ему было ни капли не весело!

Слушая эту историю, он вовсе не находил в ней никакого «оптимизма» или «душевной широты» и совершенно не понимал, над чем тут смеяться. Ему лишь до боли стало жалко Цзи Кая.

Неужели Цзи Кай всегда такой? Таит в себе самые тяжелые, ранящие душу вещи, а сам безрассудно улыбается.

Он не помнил, как спас его. Но Ли Вэйду отчетливо помнил то окровавленное, изувеченное тело, когда Цзи Кая погружали на носилки скорой помощи. Бредя в неведении, тот тихо-тихо что-то шептал.

Ли Вэйду наклонился и среди неразборчивых звуков отчетливо услышал имя Чжу Лина.

Словно на него вылили ушат ледяной воды с маслянистым осадком.

После короткого оцепенения, похожего на выжженное пепелище, в нем вспыхнуло яростное, готовое поглотить всё пламя. Сострадание, ярость, досада, обида — в его голове снова и снова гремела лишь одна мысль: «Я заставлю тебя забыть его! Я обязательно заставлю тебя забыть его!»

Да кто такой этот Чжу Лин?! Ты спас меня, рядом с тобой я! Ты должен думать обо мне, почему ты всё ещё зовешь его?!

Я заставлю тебя видеть только меня.

С этого дня смотри только на меня. Я сделаю так, чтобы в твоём сердце от него не осталось даже праха.

...Разве плохо смотреть на меня? Он причинял тебе столько боли, а я никогда так не поступлю.

...

В последовавшем за этим долгом ожидании весь мир погрузился во тьму.

Ли Вэйдун никогда не любил признавать у себя депрессию. Но в глубине души знал, что она у него есть — пусть редкие, но вспышки случались. Однако та непередаваемая тяжесть при приступах не шла ни в какое сравнение с теми несколькими часами ожидания у операционной.

Из-за обильной кровопотери во время экстренной операции Цзи Каю даже выписали извещение о критическом состоянии. Ли Вэйдун, держа в руках этот бланк, думал только об одном: если с ним что-то случится, я пойду и убью Чжу Лина.

Убью в прямом смысле этого слова. Чтобы никому больше не жить.

В этом не было никакой логики: в аварии Чжу Лин виноват не был. Но Ли Вэйдун и так привык жить в сумасшедшем, нелепом мире. Если с Цзи Каем что-то случится, Чжу Лин должен умереть, да и сам Ли Вэйдун жить не станет — зачем тогда вообще жить?

К счастью, когда всё улеглось, обернулось наилучшим образом.

У Цзи Кая было сломано три ребра возле позвоночника — они едва не проткнули печень, но, к счастью, обошлось. Перелом ноги, кости левой кисти раздроблены на три части. Две ночи в реанимации, затем палата интенсивного наблюдения, и наконец его перевели в обычную палату.

Ли Вэйдун, проведя несколько ночей подряд у его постели, держа его за руку и с нежной заботой убаюкивая, постепенно вернулся от состояния потенциального убийцы к нормальной жизни.

На всем теле Цзи Кая целой осталась разве что правая рука.

Но и она беспрестанно дрожала, так что ему с трудом давалось даже поднять ложку.

Врач сказал, что это посттравматическое стрессовое расстройство, сокращенно ПТСР, вызванное психологической травмой после аварии.

Цзи Кай:

— Нет-нет, доктор, я абсолютно психически здоров! Вы наверняка что-то путаете.

Ли Вэйдун за ночь перерыл кучу материалов. Прочитав, что у некоторых психологическая травма может остаться на всю оставшуюся жизнь, он почувствовал, как от боли зажимает дыхание, и снова ощутил желание кого-нибудь убить.

А Цзи Каю хоть бы хны — днем он весело смеялся с Ци Яном:

— Эй, глянь, как я трясусь! Похоже на раннюю старость или Паркинсона?

— Похоже, еще как похоже! — Ци Ян был с ним абсолютно на одной беспечной волне. — Слушай, говорят, частая тряска помогает похудеть! Мне обычно самому приходится напрягаться, а у тебя всё на автомате, завидую!

Ли Вэйду едва удерживался от желания всыпать обоим.

Из-за травм, операции, плохого аппетита и сна Цзи Кай всего за несколько дней сбросил килограммов пять! Каких только вкусностей Ли Вэйду ни готовил, всё без толку — не удавалось вернуть вес! А этот придурок Ци Ян ещё и постоянно лез его потыкать: «Эх, шикарная грудь усохла... Мое сердце разбито~»

Цзи Кай:

— Погладить можно. Но! Не! Тыкать! И щупай поскромнее!

...

Тогда на катере ему строго запретили «щупать», а для Ци Яна это превратилось в «щупай поскромнее».

Ли Вэйду казалось это страшно несправедливым. Чем развеять тоску? Только кулинарией.

В последнее время Ли Вэйду стал настоящим домохозяином-поваром. Каждое утро в девять тридцать он ровно по часам выезжал из больницы.

Поскольку его загородная вилла находилась слишком далеко, в эти дни он отправлялся в квартиру Цзо Яня, расположенную неподалеку от больницы. Внизу был супермаркет — местоположение идеальное. Накупив свежего мяса и овощей, он поднимался вверх, громыхал чужой посудой и кастрюлями и к одиннадцати тридцати возвращался с горячими вкусными блюдами, чтобы покормить Медвежонка.

Ли Вэйду не знал, заметил ли Цзи Кай, но в последнее время сам потихоньку присвоил себе прозвище «Медвежонок».

Он знал, что это обращение принадлежит Чжу Лину. Впервые услышав его в палате, когда они попали в больницу после драки, Чжу Лин со слезами в голосе выдохнул «Медвежонок», отчего Ли Вэйду аж закатил глаза. Он тогда подумал: ладно ещё медведь, но Медвежонок?! Чёрт... Ну и вкусы у Чжу Лина, да и выбор партнёра — тот ещё загадочный пассаж.

Кто бы мог подумать, что всё обернется вот так.

Он погряз в чувствах к Цзи Каю без возможности выбраться. Едва глянув на него или подумав о нём, его сердце начинало трепетать, а лицо горело так, словно по нему отвесили немыслимую пощечину. В глубине души возникало ощущение, будто прошла целая вечность.

А потом, во время кормления, Ли Вэйду мысленно злорадствовал и торжествовал: «Ублюдок Чжу Лин. Такого замечательного Медвежонка не берег дома, не любил и не кормил нормально, а шлялся где попало и вытворял черт знает что. Ну и продолжай в том же духе, ищи приключений на свою голову. Теперь кормить его буду я!»

И это в самом буквальном смысле.

В конце концов, одна рука у Цзи Кая была на перевязи, а вторая страдала от ПТСР — сам он за собой ухаживать не мог.

Разумеется, кормежка была делом непростым. Зачастую приходилось не просто кормить, но и вести настоящую битву умов с Цзи Каем.

В последнее время Ли Вэйдун находил в этом немалый азарт.

Причина раздора была предельно простой и топорной.

Цзи Кай:

— Я хочу мяса! Почему мне не дают мяса?

В первый день, когда мясо наконец разрешили, Ли Вэйдун открыл термоконтейнер и четко уловил, как Цзи Кай на мгновение испытал колоссальное разочарование, после чего попытался взяться духом и выдавил неловкую ухмылку человека, готового отрубить себе руку ради благого дела.

Но что не так? Разве это не отличный куриный бульон с ямсом и ягодами годжи? На поверхности плавают капельки ароматного кунжутного масла, куриное мясо нежное и золотистое. Вовсе не какая-то отвратительная стряпня, выглядит вполне аппетитно!

— Нет-нет-нет, директор Ли, вы ошиблись! Вы так старались, как я могу привередничать? Ни в коем случае, что вы, я с огромной радостью поем, правда! Давайте-давайте, скорей!

Ли Вэйдун положил ложку и с холодным лицом допрашивал его несколько раз, пока Цзи Кай наконец сокрушенно не признался:

— Я... я просто очень хотел мяса. Но курица... это ведь не мясо.

«...» Подожди, повтори ещё раз?

Курица — не мясо?

Ли Вэйдун подумал, что они, должно быть, живут в разных измерениях. Если курица — не мясо, то что тогда мясо?

— Тушеная свинина, свиные ребрышки в кисло-сладком соусе, говяжья грудинка с томатами, баранина на углях, тушеная баранина... Вот это мясо.

— А курица и яйца... в моих глазах это вообще-то вегетарианские блюда.

Ин Цзянь вмешался в разговор:

— Несколько лет назад у Брата Кая был фитнес-тренер, который помогал ему набрать мышечную массу. Он прописал ему диету: каждый день отварные яйца и вареную куриную грудку, есть и есть без остановки. Брат Кай через месяц чуть с ума не сошел, совсем опустил руки. Пришел ко мне в шашлычную, месяц жил у меня, чтобы нормально поесть. С тех пор к этой курице...

Ли Вэйдун молчал.

Ли Вэйдун:

— Мой куриный бульон другой. Попробуй сначала!

Он дважды дунул на ложку и поднес ее к его губам.

Цзи Кай лишился слов от изумления.

Это было вкусно. Потрясающе вкусно. Вкус проник прямо в самый мозг.

Непередаваемый вкус: казалось, будто соли нет вовсе, вкус очень мягкий, но глубокий наваристый аромат буквально захлестывал, оставляя божественное послевкусие. Невольно захотелось еще ложечку.

Ли Вэйду палочками взял кусочек курицы:

— Съешь кусочек. Всего один. Если не понравится, больше не буду заставлять.

Цзи Кай подумал: «Куриное мясо обычно так себе...»

<http://bllate.org/book/18382/1767707>